

только уже от всей души принялся ругать Англию, Шекспира и Шаховского, но даже бросился на него с кулаками. Разумеется, его удержали. Он сейчас опомнился, и Шаховской, прищутив свои маленькие глаза и придав своему лицу, как он думал, самое насмешливое, язвительное выражение, сказал: «Ну что, блат, ты хотел меня лаздлазнить и потешить публику, а я смекнул дело да лаздлазнил тебя; только чул впелед не длаться». Друзья сейчас помирились, мы все досыта насмеялись, время было выиграно и цель достигнута: мы сели прямо за карты*.

С. Т. Аксаков

ДЕСЯТЫЙ НУМЕР**

Вхожу в большую комнату, уставленную по стенам пустыми кроватями со столиками; на каждом столике наложены кучки зеленых, желтых, красных, синих книг и пачки тетрадей; вижу — лежит на одной кровати чья-то фуражка, дном наружу; на дне — надпись; читаю: «Hunc pil... — тут стерто, не разберу, — Fur rapidis manibus tangere noli: possessor cujus fuit semperque erit Tschistof, qui est studiosus quam maxime generosus».

Понимаю. Где же этот г-н Чистов? А вот он входит в дверь: испитой, с густыми темными волосами, свинцового цвета лицом, темно-синею выбритою гладко бородою; за ним приходит с лекции и мой Феоктистов; дверь начинает беспрестанно отворяться и затворяться; являются одно за другим все новые и новые лица, рекомендуются, приветливо обращаются ко мне; вот

* О литературных вечерах Ф. Кокошкина см. «Литературные встречи и знакомства» А. Милокова. П., 1890, гл. Воспоминание о Ф.Ф. Кокошкине.

** Сочинения Н.И. Пирогова, т. II, Киев, 1910, с. 236—242.

2-й Лейченко, самый старший, действительно на вид лет много за 30; вот Лобачевский, длинный, рыжий, усеянный, должно быть, веснушками по всему телу, судя по лицу и рукам, и еще человек шесть нумерных и посторонних.

Начинаются беседы, закуривание трубок; говорят все разом — ничего не разберешь; дым поднимается столбом; слышится по временам и брань неприличными словами.

Мой бывший наставник, Феоктистов, представляется мне совсем в ином свете, не тем, каким я его знал до сих пор: он тут перед некоторыми просто пасс — тише воды, ниже травы.

Вот хотя бы Чистов, обладатель фуражки с латинскими стихами — тот берет со стола книгу, ложится на кровать и, обращаясь ко мне (я стою вблизи его кровати), спрашивает: «С какими римскими авторами вы знакомы?» Я краснею. «Что же? Феоктистов, верно, вам немного сообщил; где же ему, он и сам ничего не понимает в латыни. Садитесь-ка вот здесь, я вам кое-что прочту из Овидия; слыхали о «Метаморфозах» Овидия? А? слыхали?» — «Да, немного слыхал». — «Ну, слушайте же!» — И Чистов начал скандировать плавно и с увлечением, и тут же я научился у него больше, чем во все время моего приготовления к университету от Феоктистова. Оказалось потом, что Чистов был действительно знаток римских классиков; я редко видал его за медицинскими книгами; всегда, бывало, лежит и читает своего любимого Овидия Назона или Горация.

Родом из духовных, воспитанник семинарии, Чистов отличался, однако же, резко от других сотоварищей, по большей части тоже семинаристов: это была мебель из елового, а он из красного дерева и, должно быть, поэт в душе.

Чего я ни насмотрелся и ни наслышался в 10-м номере!

Представляю себе теперь, как все, это виденное и слышанное там, действовало на мой 14—15-летний ум! Является, например, какой-то гость Чистова, хромой, бледный, с растрепанными волосами, вообще, странного вида на мой взгляд — теперь его можно было бы по наружности причислить к нигилистам, по-тогдашнему это был только вольнодумец.

Говорил он как-то захлебываясь от волнения и обдавая своих собеседников брызгами слюны. В разговорах быстро, скачками переходит от одного предмета к другому, не слушая или не дослушивая никаких возражений: «Да что Александр I, куда ему, он в сравнение Наполеону не годится. Вот гений, так гений!.. А читали вы Пушкина «Оду на вольность»? А? Это, впрочем, винегрет какой-то. По-нашему не так; révolution, так révolution, как французская — с гильотиною!» И услышав, что кто-то из присутствующих говорил другому что-то о браке, либерал 1824—1825 годов вдруг обращается к разговаривающим: «Да что там толковать о женитьбе! что за брак! на что его вам? кто вам сказал, что нельзя попросту спать с любою женщиною?.. Ведь это все ваши проклятые предрассудки, натолковали вам с детства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и верите. Стыдно, господа, право, стыдно!» А я-то, я — стою и слушаю, ни одного слова не проронив.

Вдруг соскакивает со своей кровати Катонов, хватается стул и бац его посередине комнаты! «Слушайте, подлецы! — кричит Катонов. — Кто там из вас смеет толковать о Пушкине? Слушайте, говорю!» — вопит он во все горло, потрясая стулом, закатывая глаза, скрежеща зубами:

Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью вижу,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле...

Катонов, восторженный обожатель Мочалова, декламируя выходит из себя — не кричит уже, а вопит, ревет, шипит, размахивает во все стороны поднятым вверх стулом, у рта пена, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горят. Исступление полное. А я стою, слушаю с замиранием сердца, с нервной дрожью; не то восхищаюсь, не то совещусь.

Рев и исступление Катонова, наконец, надоедают; на него наскакивает рослый и дюжий Лобачевский. «Замолчишь ли ты, наконец, скотина!» — кричит Лобачевский, стараясь своим криком заглушить рев Катонова. Начинается схватка, у Лобачевского ломается высокий каблук. Падение. Хохот и аплодисменты. Бросаются разнимать борющихся на полу.

Не проходило дня, в который я не услышал бы или не увидел чего-нибудь новенького, вроде описанной сцены, особенно памятной для меня потому только, что она была для меня первою невидалью; потом все вольнодумное сделалось уже делом привычным.

За исключением одного или двух, обитатели 10-го номера были все из духовного звания, и от них-то именно я наслышался таких вещей о попах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что меня на первых порах, с непривычки, мороз по коже подирал...

Все запрещенные стихи, вроде «Оды на вольность», «К временщику» Рылеева, «Где те, братцы, острова» и т. п., ходили по рукам, читались с жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае.

Читалась и барковщина, но весьма редко, а заменяла в то время более современная поэзия подобного же рода студента Полежаева.

О Боге и церкви сыны церкви из 10-го номера знать ничего не хотели и относились ко всему божественному с полным пренебрежением.

Понятий о нравственности 10-го номера, несмотря на мое короткое с ним знакомство, я не вынес ровно никаких. Разгул при наличных средствах, полный индифферентизм к добру и злу при пустом кармане — вот вся мораль 10-го номера, оставшаяся в моем воспоминании.

Вот настало первое число месяца. Получено жалованье. Номер накапливается. Дверь то и дело хлопает. Солдат, старик Яков, ветеран, служитель номера, озабоченно приходит и уходит для исполнения разных поручений. Являются чайники с кипятком и самовар.

Входят разом человека четыре — двое нумерных студентов, один чужой и высокий, здоровенный протодьякон. Шум, крик и гам. Протодьякон что-то басит. Все хохочут. Яков является со штофом под черною печатью за пазухой, в руках несет колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается с восклицанием: «Ну-ка, отец дьякон, белого панталонного хватим!» — «Весьма охотно», — глухим басом и с расстановкою отвечает протодьякон. Начинается попойка. Приносится Яковым еще штоф и еще — так до положения риз.

— Знаете ли вы, — говорит мне кто-то из жильцов 10-го номера, — что у нас есть тайное общество? Я член его, я и масон.

— Что же это такое?

— Да так, надо же положить конец.

— Чему?

— Да правительству, ну его к черту.

И я после этого открытия смотрю на господина, со-

общившего мне такую любопытную вещь, с каким-то подобострастием.

Масон! Член тайного общества! То-то у него книги все в зеленом переплете. А я уже прежде где-то слышал, что у масонов есть книги в зеленом переплете.

— А слышали, господа: наши с Полежаевым и хирургами (студентами Московской медико-хирургической академии) разбили вчера ночью б...ь на Трубе? Вот молодцы-то!

Начинаются рассказы со всеми сальными подробностями. И это откровение я выслушиваю с тем же наивным любопытством, как и сообщенную мне тайну об обществе и масонстве.

Да, номер 10-й был такою школою для меня, уроки которой, как видно, пережили в моей памяти много других, более важных воспоминаний.

Впоследствии почуялись и в 10-м номере веяния другого времени: слышались чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окэна.

Н.И. Пирогов

КРУЖОК АРХИВНЫХ ЮНОШЕЙ*

В это время, т. е. в 1820—1822 годах, познакомился я с некоторыми сверстниками, которых дружба или приязнь благотельно подействовала на дальнейшую мою жизнь. Первое мое знакомство было с *И.В. Киреевским*. С ним мы познакомились на уроках у Мерзлякова. Мы жили на одной улице (большой Мещанской) в первых двух домах на левой руке от Сухаревой башни. Часто мы возвращались вместе домой; вскоре познакомились наши матери, и наша дружба росла и ук-

* Записки *А.И. Кошелева*, 1812—1883 годы. Берлин, 1884, с. 6—11. Прозвище дано было С. Соболевским.